

Цветок папоротника

ТРОТИЛОВЫЙ ЗВОН

ВИКТОР ГОЛКОВ

Виктор Голков
Тротиловый звон

«Э.РА»

2014

Голков В. И.

Тротиловый звон / В. И. Голков — «Э.РА», 2014

В новый сборник израильского поэта Виктора Голкова включены стихи преимущественно последних лет, но есть и относительно возрастные, написанные еще в Молдавии, произведения. Основная тема книги – полная напряженности и опасности жизнь современного Израиля. На этом фоне как бы анализируется способность человека другого мира (бывшего СССР) полноценно и гармонично вписаться в нее. Причем, ответ далеко не всегда бывает положительным. Поэзии Виктора Голкова присущи темные, а порой и откровенно черные, тона и оттенки. Они просматривались и в прежних его книгах, но в этой, последней, можно сказать, занимают доминирующие позиции. Тем не менее, художественный уровень книги достаточно высок, а содержащаяся в ней горькая и жестокая правда вряд ли способна оставить равнодушным внимательного читателя.

© Голков В. И., 2014

© Э.РА, 2014

Содержание

«Пожилые, о чем мы толкуем...»	5
«Как тучи, чувства отползут...»	6
«Если ты есть, отец...»	7
«Шевельнулся в тебе абсолют...»	8
«Я немного завидую мертвой кошке...»	9
«Станешь тонким, мертвым, белым...»	10
«Философия дна – ни излишеств...»	11
«Мы живем в невозможное время...»	12
«Когда глаза откроешь ночью...»	13
«Пожалуй, я скобки закрою...»	14
«Чувства, куда вы делись?..»	15
«Жизнь достаточно длинна...»	16
«Кончается прогулка в Никуда...»	17
«Утонуть в этом море несложно...»	18
«Эта легкость старческая в теле...»	19
«Я к смерти в Израиле ближе...»	20
«К истокам пора возвращаться...»	21
«От удушающей жарыщи...»	22
«Когда, старея понемногу...»	23
«Здесь проплывал корабль этрусский...»	24
«Пятьдесят с небольшим. Все пропало...»	25
«Вкус тоски узнаю сразу...»	26
«Паучья тень, языковая дрожь...»	27
«Том забытый пролистал...»	28
«Если ты обитаешь от Азии невядалеке...»	29
«Постепенно привык к новым лицам...»	30
«Мой организм, моя страна...»	31
«В эту ночь, когда ещё далеко до рассвета...»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Виктор Голков

Тротиловый звон

«Пожилые, о чем мы толкуем...»

Пожилые, о чем мы толкуем,
Заводя монотонный рассказ?
Мы о прошлом уже не тоскуем
И не копим его про запас.

Замерзаем под солнцем палящим,
Запиваем таблетки водой
И, как тени, скользим в настоящем,
Даже смерть не считая бедой.

«Как тучи, чувства отползут...»

Как тучи, чувства отползут,
Туман желаний растворится.
В холодном зале Страшный Суд
Не страшно, в общем-то, творится.

Смотрю в лицо моей зиме,
Она – седая совершенно –
Молчит задумчиво во тьме
И улыбается блаженно.

Пришла считать мои грехи,
Копаться в бесполезном хламе,
Трухе, где мертвые стихи
Вповалку с мертвыми делами.

«Если ты есть, отец...»

Если ты есть, отец,
Где-то среди сердец,
живших когда-то здесь,
Словом, если ты есть,

Сквозь эти мрак и тишь,
сможешь? – меня услышь.
Я расскажу тебе
Все о своей судьбе.

Я посылаю весть,
Что мне – пятьдесят шесть.
Вот я, почти старик,
Молча шепчу свой крик.

Я с тобой встречи жду
Где-то в раю, в аду,
Где обитаешь ты
В городе пустоты.

Значит, и мать жива,
Слышит мои слова
В царстве сплошного сна,
Где круглый год – весна.

«Шевельнулся в тебе абсолют...»

Шевельнулся в тебе абсолют,
Сквозь тебя поглядел по-иному,
Проскользнул по пространству сквозному
И рассыпался, словно салют.

Темных клеток таинственный люд
Не сумел починить хромосому.
И тебе, проходимцу босому,
О судьбе телеграмму пришлют.

«Я немного завидую мертвой кошке...»

Я немного завидую мертвой кошке –
Распластанной жертве автомобильного инцидента,

Прижавшейся окровавленной головой к асфальту.
Потому что живые всегда завидуют мертвым,

Чей жизненный цикл завершился так или иначе,
Поскольку им незачем больше бояться смерти,

Старости, болезней, одиночества, разлуки
И других неприятностей,

обусловленных процессом жизни.

«Станешь тонким, мертвым, белым...»

Станешь тонким, мертвым, белым,
Как окончится твой труд.
Жизнь, написанную мелом,
С гладкой досточки сотрут.

Ты искал в правописание
Смысл, связующий слова.
Смерти тонкое касанье
Лишь предчувствовал едва.

Но познание наощупь,
Откровение вчерне,
Удивительней и проще,
Чем лежащее вовне.

Жизнь – конспект времен грядущих,
Новой эры перегнутой.
А душа витает в куцах
Над бессмыслицей земной.

«Философия дна – ни излишеств...»

Философия дна – ни излишеств,
Ни красот не приемлет она.
Чуждо напрочь знамение свыше
Философии дна.

Тяжело поводя плавниками,
Молчаливо глядят из окна
И беззубо сверкают очками
Обитатели дна.

Тишина. Только хрипы глухие,
Обжигающий свет.
Философия дна, ты – стихия
И последний ответ.

«Мы живем в невозможное время...»

Мы живем в невозможное время –
В роковой исторический час
Дико взвоят безумное племя,
И посыплются бомбы на нас.

Натурально, ведь мир – передышка
Между войнами. Пули визжат.
И застыла душа, как ледышка,
Только тонкие губы дрожат.

«Когда глаза откроешь ночью...»

Когда глаза откроешь ночью,
Горчат воспоминаний ключья;
Их спутанные многоточья
В мозгу свиваются в клубок.

Ты без толку косишься вбок
На луч, проткнувший потолок,
Желая, чтобы странных строк
Затихла трескотня сорочья.

«Пожалуй, я скобки закрою...»

Пожалуй, я скобки закрою,
Как крошки, смету со стола
Все шелесты и перебои
Той жизни, какая была.

Ведь вряд ли особую ценность
Она представляет собой,
Смешная моя откровенность,
Привычка делиться судьбой.

Послушай-ка – первопроходчик,
В забое глухом, как в гробу,
Иду между угольных строчек
С шахтёрскою лампой на лбу.

Ни звука, лишь только багровый
Мигающий отблеск огня
И грунта слой километровый,
От всех отделивший меня.

«Чувства, куда вы делись?..»

Чувства, куда вы делись?
Радость, любовь, весна
Призраки лишь расселись,
Вышедшие из сна.

Лица бледны их жутко,
Я не припомню всех.
Тени из промежутка
Сотни забытых вех.

Сам я не разбираю,
Что я им бормочу.
Только не набираю
Номер – и не кричу.

«Жизнь достаточно длинна...»

Жизнь достаточно длинна –
Только кажется короткой.
Как посмотришь из окна –
Закружит кривой походкой.

С важной миной гордеца,
Непреклонного вовеки.
Но предчувствие конца
Брезжит в каждом человеке.

Как мне быть? Не скажешь, Бог,
Для чего мне торопиться?..
В этот сказочный чертог
Я пришел судьбы напиться.

«Кончается прогулка в Никуда...»

Кончается прогулка в Никуда,
Дряхлеет оболочка понемногу.
А ты глядишь на черную дорогу
И на тупик по имени «беда».

Вела тебя бездумная звезда,
И вот – ты приволакиваешь ногу.
Ты рад любому мелкому предлогу
Забить о прошлом. Если можно – да.

«Утонуть в этом море несложно...»

Утонуть в этом море несложно,
Где вокруг миллион голосов,
Задыхаясь, хрипит безнадежно,
Словно музыка старых часов.

Поселилась душа в Интернете –
Механическом царстве теней.
Потому что на жаркой планете
Ни один не припомнил о ней.

«Эта легкость старческая в теле...»

Эта легкость старческая в теле...
Ветерком над пропастью скользим.
Неизвестно, знаешь, в самом деле,
Сколько лет осталось или зим.

Застывают вечные вопросы
Тяжело, как гири на весах,
И слабеет гул многоголосый
Наверху, в холодных небесах.

«Я к смерти в Израиле ближе...»

Я к смерти в Израиле ближе
За то только, что еврей.
В Израиле Бога увижу
Сквозь запертых сотню дверей.

Как солнцем спаленные ключья,
Корнями спущусь в глубину,
В подземный Израиль – ко дну,
Оставив вверху многоточья.

«К истокам пора возвращаться...»

К истокам пора возвращаться
Видать, но привычка сильнее
По той же орбите вращаться,
Где нет путеводных огней.

Виток за витком, ежечасно.
Опять, как и в те времена,
Слепая душа не согласна,
Что смысла не знает она.

«От удушающей жарищи...»

От удушающей жарищи
Душа спекается в комок.
Нельзя дышать, и трутся тыщи,
Жить вынуждены бок о бок.

Бок о бок – жуткая морока!
И, если ты не азиат,
Сойдешь с дистанции до срока,
Поскольку это вправду – ад.

Но мне порой почти приятно
Идти сквозь эвкалиптов строй,
Чья жизнь застыла, вероятно,
Внутри, под выжженной корой,

Смотреть на кустики кривые
И жарких кипарисов ряд.
Здесь наши корни родовые,
И камни правду говорят.

«Когда, старея понемногу...»

Когда, старея понемногу,
Все те же диспуты ведут:
Кто ярче жил, кто ближе к богу –
Минуты у себя крадут.

Тропа теряется во мраке,
Неважно, как тебя зовут.
Живи как бабочки, как маки,
Как птицы на земле живут.

«Здесь проплывал корабль этрусский...»

Здесь проплывал корабль этрусский,
В песках тонули города.
Бессмысленно писать по-русски,
Но я живу здесь, господи!

Уничтожает души лето,
Слепит песчаная слюда.
Пустое место для поэта,
Но я живу здесь, господи!

«Пятьдесят с небольшим. Все пропало...»

Пятьдесят с небольшим. Все пропало,
Только гладкое светится дно.
Даже слово себя исчерпало –
Не касается смысла оно.

Новый день, что гремит как коробка,
Безразлично в пространстве верчу,
И сама наполняется стопка.
Можно выпить, но я не хочу.

«Вкус тоски узнаю сразу...»

Вкус тоски узнаю сразу, мятный, словно леденец,
И тошнотный привкус страха, что бывает по ночам.

И железный вкус разлуки, черным машущей крылом,
Боли вкус, лишенный вкуса, в мозг вгоняющий иглу.

Все что мимо промелькнуло, все чем я сейчас живу,
Все, что память сохранила, как озерная вода.

В час, когда приходит полдень, и отчетлив каждый блик –
Вереница ощущений, составляющих меня.

«Паучья тень, языковая дрожь...»

Паучья тень, языковая дрожь...
Проснувшись ночью, сердца не найдешь.

Застыла боль в глазах у старика,
но тонкий голос пересек века.

Я знал его, мы говорили с ним,
Дышали долго воздухом одним.

Осталось имя где-нибудь вовне.
В последний раз мы виделись во сне.

«Том забытый пролистал...»

Том забытый пролистал,
Древних слов коснулся взглядом,
Словно ночью пролетал
Я над майским их парадом.

А они ушли, ушли,
Друг на друга не похожи,
И поют из-под земли
Хором – Господи, мой Боже...

«Если ты обитаешь от Азии невядалеке...»

Если ты обитаешь от Азии невядалеке –
Указательный палец почаще держи на курке,
Чтоб верней был прицел, хотя отроду ты – филантроп.
Здесь давно не работает метод ошибок и проб.

Здесь, как в джунглях, приемлют один только древний обряд,
И глаза налитые бессмысленной злобой горят,
Чтобы, тихо подкравшись, вонзить тебе в горло клыки,
И дрожат, как пружины, на черных щеках желваки.

Потому-то, приятель, скорей передерни затвор –
Это первое; дальше – ни с кем не вступай в разговор.
Так как нет в этом смысла, одни только глупость и вздор.
И внимателен будь, когда в черный войдешь коридор.

«Постепенно привык к новым лицам...»

Постепенно привык к новым лицам,
Погрузился в какую-то тьму,
И уже кочевать по больницам
Не казалось ужасным ему.

Тошноту вызывающий йода
Запах мучил лишь в первые дни.
И тогда ж затерялась свобода –
Где-то в складках его простыни.

Может, он и родился на свете,
Чтоб, сойдя с этой койки на пол,
Окунув ноги в шлепанцы эти,
Семь шагов до клозета прошел?

И на мир, пополам разделенный
Поперечиной рамы двойной,
Сквозь квадрат бы косился оконный
Ржавой осенью, летом, весной...

«Мой организм, моя страна...»

Мой организм, моя страна,
Где темные блуждают силы...
Гудит мотор, и выются жилы,
И сердца тенькает струна.

Моя страна, мой организм,
Хрипящий глухо, как пластинка...
Кто заведет твой механизм,
Когда сломается пружинка?

Никто. И если есть предел,
Тебе положенный судьбою,
И если вдруг водораздел
Пролег меж всеми и тобою,

Хоть сотню ангелов зови
С таблетками и кислородом,
Как кесарь, поплывешь в крови,
низложен собственным народом.

«В эту ночь, когда ещё далеко до рассвета...»

В эту ночь, когда ещё далеко до рассвета,
я лежу и слушаю дробь дождевую.
Дождь шагает, скользя по мокрому парпету,
и срываясь, ударяется о булыжную мостовую.

И я вздрагиваю при каждой короткой вспышке,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.